

ИЗ ИСТОРИИ РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ ЖИТЕЛЕЙ ТЮМЕНИ (XX в.)

В статье прослеживаются социально-исторические условия, при которых происходило формирование в речи жителей г. Тюмени в период социализма наддиалектной формы русского национального языка.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: старожилы, старожильческое население, рабочие, служащие, интеллигенция, окающий старожильческий говор, городское просторечие, просторечно-диалектная речь, литературный язык, разговорная литературная речь.

В настоящее время актуальным является изучение приходящих на смену диалектам, полудиалектам наддиалектных форм русского национального языка [Брызгунова 2009: 30], в которых «в большей степени будут представлены общенародные языковые черты... в частности черты общенародного просторечия, и в меньшей — особенности диалектного происхождения» [Игнатович 2012: 52]. В связи с этим большой интерес для исследования представляет изучение (с учетом лингвистических и внелингвистических факторов) истории речевой культуры жителей городов, в том числе г. Тюмени, на территории позднего заселения. Экскурс в лингвистическую историю города будет способствовать решению такого сложного вопроса, как выявление путей формирования и развития наддиалектной формы русского национального языка, поможет уточнить определяющую роль ее в характеристике языковой ситуации в современной Тюмени.

Материалом для исследования послужили записи обиходно-бытовой речи ряда лиц с высшим и средним образованием, родившихся и выросших в Тюмени. Их родители и прародители происходят из этого же города. Все информанты принадлежат к одной возрастной группе (60–80 лет). В статье используются также материалы,

собранные автором во время диалектологических экспедиций кафедры общего языкознания Тюменского университета в 1973 и 1974 гг. в ряде окрестных сел (Антипино, Мальково) и деревень (Букина, Быкова, Субботина, Зайкова). Большую ценность для исследования представляют записи диалектной речи, сделанные В. Н. Светловой во время экспедиции Тюменского пединститута в 1959 г. в пяти населенных пунктах Тюменского района (Каменке, Салаирке, Кулиге, Молчановой, Речкиной).

При исследовании учитывается, что «в центре внимания... должна быть проблема взаимодействия внутренних и социальных, «внешних» закономерностей развития языка» [Русский язык... 1968: 18]. На основании данных исторической литературы (работ Н. А. Миненко, Д. И. Копылова, В. М. Кружинова и других исследователей истории г. Тюмени и области) выявляются экстралингвистические факторы, влияющие на развитие речевой культуры старожильского населения г. Тюмени в советский период.

1. После Октябрьской революции губернский центр в апреле 1918 г. из Тобольска переместился в Тюмень, в связи с этим культурно-просветительная работа в «аграрном» городе активизировалась.

1.1. В 1920-е гг. в Тюмени активно проводилась работа по ликвидации неграмотности населения: возникали ликпункты («школы малограмотных»), обучение грамоте велось и «на предприятиях, в избах-читальнях, на дому» [Очерки истории... 1994: 185–186]. Почти все неграмотное население рабочих окраин «прошло через ликбезы», которые «создавали повсюду» [Копылов и др. 1986: 172].

Средние учебные заведения (Александровское реальное училище, Тюменская женская гимназия, коммерческое училище М. Н. и С. И. Колокольниковых) были преобразованы в «советские трудовые школы» [Миненко

С. Перепелкин. ПРО ГОРОД: ГОРОДСКОЙ ПЕЙЗАЖ 1. 2016

2004: 434; Копылов и др. 1986: 133], закрылись церковно-приходские школы, частные учебные заведения. В 1920 г. «начали работать первые девять советских школ», в 1922 г. «занятия велись уже в 16 городских школах» [Миненко 2004: 445]. В 1927/28 учебном году «сели за парты все дети 8-летнего возраста» [Очерки истории... 1994: 186; Копылов и др. 1986: 195]. В 1930 г. вводилось всеобщее «обязательное обучение детей в объеме 4-летней школы», с 1934 г. осуществлялся переход к всеобщему семилетнему обучению. Шло становление средних специальных учебных заведений (сельскохозяйственного — 1920 г., педагогического — 1922 г., кооперативного — 1939 г. и др.) [Миненко 2004: 446, 447; Копылов и др. 1986: 173]. К 1936 г. в городе было 26 школ, в том числе одна школа — десятилетка (сейчас это школа № 26), «в них училось больше 16 тысяч детей» [Копылов и др. 1986: 196]. Кроме того, «около полутора тысяч юношей и девушек училось в ФЗУ, на рабфаке, в специальных учебных заведениях» [Там же].

Повышению культурного уровня горожан способствовала работа перешедших в «общенародное пользование» драматического театра А. И. Текутьева (на 880 мест), цирка (на 1000 мест), клуба приказчиков, кинематографов, четырех библиотек [Копылов и др. 1986: 170; Миненко 2004: 434]. Тюменский краеведческий музей (открыт в 1920 г.) с 1921 г. «начал принимать организованные группы рабочих и служащих, школьников» [Копылов и др. 1986: 170].

Как следствие введения всеобщего обязательного обучения (начального, затем неполного среднего), усиления культурно-просветительной работы среди населения явилось то, что нейтрализация диалектных черт у носителей просторечно-диалектной речи и окающего старожильческого говора начала активно происходить «на основе взаимодействия с системой литературного языка» [Баранникова 1978: 45]. Речевое общение жителей «окраин Тюмени» и центральной части после установления советской власти стало заметно расширяться. Новые явления (например, утрата смягчения недолгих шипящих перед гласными переднего ряда, диалектных форм местоимений мойОва, твойОва, свойОва и многих других) распространялись и на рабочие окраины, усваивались старожильческим населением всех предместий Тюмени. Круг носителей традиционного говора здесь все более сужался, им стали пользоваться лишь отдельные пожилые люди при «домашнем» общении в семьях бывших кустарей-ремесленников.

1.2. В результате социалистических преобразований в апреле–мае 1918 г. «первыми» были национализированы чугунолитейный завод Н. Д. Машарова, спичечная фабрика В. И. Логинова в Заречье, лесопильные заводы и судоверфь [Миненко 2004: 434; Копылов и др. 1986: 133]. Возникали новые промышленные предприятия, рос численный состав рабочих. Так, в 1930 г. в городе «насчитывалось 6,5 тысяч рабочих» [Миненко 2004: 440], к 1933 г. численность рабочих «удвоилась и достигла 18 тысяч» [Копылов и др. 1986: 176]. Квалифицированных рабочих «до 1928/29 учебно-

го года готовили в Тюмени в школах фабрично-заводского ученичества и профшколах», позднее — «в ФЗУ и на профессионально-технических курсах» [Миненко 2004: 448]. «Мастеров индустриального профиля» обучало механико-техническое училище, рабочих готовило «восстановленное ремесленное училище» [Копылов и др. 1986: 173].

Начиная с 1920-х гг. в Тюмени «при всех крупных промышленных предприятиях» открывались рабочие клубы: Клуб железнодорожников, Центроклуб (размещался в здании национализированного приказчиьего клуба), Заречный клуб профсоюза кожевников и фабрики «Пламя», филиал Центроклуба на заводе «Механик» и многие другие [Миненко 2004: 445; Копылов и др. 1986: 170]. Они были в центре проведения культурно-просветительной и политической работы среди рабочих и остального населения города. Здесь проходили концерты и спектакли, праздничные вечера и лекции, организовывались драматические, литературные и другие кружки. Вместе с культурным ростом («рабочие приобщались к искусству» [Копылов и др. 1986: 170]) и повышением общеобразовательного уровня большинства рабочих (из бывших крестьян) усиливались процессы сближения их просторечно-диалектной речи с разговорным литературным языком.

Таким образом, годы первых трех пятилеток (1928–1932, 1933–1937, 1938–1941) характеризовались ростом промышленности и численности рабочих, повышением культурного и общеобразовательного уровня населения города, в котором «к концу довоенного времени... проживало свыше 75 тысяч человек» [Миненко 2004: 443]. В Тюмени «фактом повседневности стали громкие читки газет на предприятиях и в учреждениях, соцсоревнования, кружки физкультуры, партийные и комсомольские собрания, коллективные культпоходы...» [Там же: 455], в домах «появились громкоговорители» [Там же: 454]. Многие коренные жители Тюмени имели начальное или неполное среднее образование, некоторые из них оканчивали техникум. Все это значительно повлияло на повышение речевой культуры тюменских старожилов. Происходил процесс нивелировки различий в «городской» речи коренных жителей «окраин Тюмени» и старожильского населения центральных улиц («кварталов») города. Утрачивалось изменение *мн > вн* (тевно > темно, внОго > мнОго), мена /в/ — нуль звука (Офсе > вОвсе), отвердение мягких переднеязычных согласных /д'/, /р'/ перед твердым [м] (вЕдма > вЕдьма, тюрмА > тюрьмА), употребление бесприставочных глаголов с суффиксом -ива- (-ыва-) «для подчеркнутого отрицания действия в прошлом» [Светлова 1965: 8] (не йЭжживал, не Дельывал и т. п.). Устойчивость проявляли такие особенности, как мягкость согласного [р'] в сочетании *ер* в положении перед твердыми заднеязычными и твердыми губными (зЕрькало, задЕрьгал, вЕрьба), отсутствие чередований *к/ч* и *з/ж* при употреблении личных форм от глаголов с основой на заднеязычный согласный (пекЁт, берегЁт), двойное мягкое [с'с'] в форме 2-го лица ед. числа возвратных глаголов настоящего — простого будуще-

го времени (боИсься, засмейОсься). Длительное сохранение *оканья* в речи старожильского населения Тюмени объяснялось незначительным выделением ударного слога по силе, это создавало особую тесную связь гласных ударного и безударных слогов, что являлось «чертой, не осознаваемой говорящими» [Орлова, Строганова 1961: 411].

2. Великая Отечественная война «внесла существенные коррективы» в жизнь города — фабрики и заводы переводились на выпуск продукции для фронта [Копылов и др. 1986: 210; Миненко 2004: 455]. Осенью–зимой 1941 г. сюда прибывали предприятия, «эвакуированные из Москвы, Ленинграда и других городов» [Щукин 2007: 44]. Работники с семьями поселялись в общежитиях и на частных квартирах старожилов города. Перебазированные в Тюмень 22 завода (экскаваторный, строймеханизмов, аккумуляторный, мотоциклетный, пластмасс, химико-фармацевтический и многие другие) из Одессы, Дмитрова, Киева, Подольска, Курска, Таганрога «и других мест» [Копылов и др. 1986: 208–209; Миненко 2004: 455] уже «в начале второго квартала 1942 года... были введены в эксплуатацию» [Там же]. Здесь «рука об руку», «с полной отдачей» трудились «рабочие и работницы» из старожильского населения города и «рабочие, инженеры эвакуированных заводов и фабрик», чтобы «фронт мог как можно раньше получить продукцию новых тюменских предприятий» [Копылов и др. 1986: 209]. В связи с ростом промышленности (она «выросла более чем в три раза» [Миненко 2004: 455]) увеличилось и занятое в ней старожильское население города. «На тюменских заводах, на транспорте, — пишет Д. И. Копылов, — появилось более 10 тысяч новых рабочих — домохозяйки, подростки» [Копылов и др. 1986: 213]. Население Тюмени за время войны росло также и «за счет эвакуации сюда различных учреждений и организаций, учебных заведений, детских домов» [Миненко 2004: 455; Копылов и др. 1986: 209].

Взаимодействие старожилов Тюмени с носителями акающей речи эвакуированного населения из южных и центральных районов Советской страны оказало воздействие на дальнейшее ослабление в их речи *оканья* в широком значении. В других безударных слогах после мягких согласных (во 2-м предударном и заударных слогах) в основе слова устанавливался один общий основной вариант неразличения гласных фонем неверхнего подъема [e] (редовОй, темнотА, деловИтый, вЫпремилса, Озеро, вЫвес, дЕветь и т. п.). Увеличилось количество слов с реализацией фонемы /o/ в гласном [a] в 1-м предударном слоге: батИнки, акрабАт, вайнА, сафпАло, фанАрь, эраплАн «аэроплан», саглАсйэ, расИнка, катлЕта, бакАл, кашмАр, дагАтка, равЕсник. В акающей огласовке данная группа слов могла закрепиться под влиянием литературного языка, в ряде слов — перед слогом с ударяемым [a]. Влияние экстралингвистических факторов лишь ускорило действие внутренней тенденции, наметившейся в самой системе языка [Бараникова 1978: 49], — тенденции к дефонологизации фонетических признаков безударных гласных [Хабургаев 1965: 58]. В речи старожилов

Тюмени не без влияния речи работников эвакуированных заводов и учреждений началось вытеснение такой черты севернорусского происхождения, как изменение существительных типа «дедушка» по мужеско-среднему типу склонения; значительно реже стали употребляться стяженные формы прилагательных и глаголов.

3. В августе 1944 г. город стал центром Тюменской области [Очерки истории... 1994: 198], в Тюмени начались регулярные передачи областного радио. В послевоенное время открылись новые дома культуры и клубы, в конце 1957 г. начало работу областное телевидение, продолжил свою деятельность драматический коллектив Тюменского театра [Там же: 247–248]. Появились новые средние специальные учебные заведения (техникум советской торговли — 1945 г., музыкальное училище — 1956 г.) и общеобразовательные школы [Миненко 2004: 480; Очерки истории... 1994: 250]. Употребление литературного языка в повседневно-бытовом общении образованных людей усилило его влияние на просторечно-диалектную речь многих жителей Тюмени. Это отразилось на появлении в их речи вариантного употребления форм: горди^Исья — горди^Ишся, дерн^О — дёрн, свИтра — свИтер, путь прошл^А — путь прош^Ол, на распространении параллельного употребления твердого и мягкого вариантов фонемы /р/ (сверьк^Али — сверк^Али, дёрьгайт — дёргайт).

4. С середины 1960-х гг. Тюмень превращалась «в административный центр огромного нефтегазового края» [Миненко 2004: 468], становилась базовым центром Тюменского территориально-производственного комплекса [Копылов и др. 1986: 276], «одним из координирующих центров науки» [Очерки истории... 1994: 246]. «Нефть и газ, — подчеркивает Н. А. Миненко, — кардинально изменили жизнь города. Невиданными темпами росло его население» [Миненко 2004: 472]. В 1967 г. численность жителей Тюмени составляла «почти 240 тысяч» [Копылов и др. 1986: 251], в 1970 г. в городе «уже проживало 269 тысяч человек, в 1977 году — 340 тысяч, на 1 января 1981 года — 404,3 тысячи» [Миненко 2004: 472]. Рост населения, в том числе за счет миграции, переселения специалистов из различных «нефтяных районов страны», не мог не сказаться на речевой культуре жителей Тюмени.

4.1. Для освоения открытых нефтяных и газовых месторождений на Севере области в Тюмени создавались «мощные производственные управления Главтюменьнефтегаз и Главтюменьнефтегазстрой» [Очерки истории... 1994: 219], различные проектные и научно-исследовательские институты. Так, в 1963 г. начали свою деятельность Западно-Сибирский геологоразведочный институт нефтяной промышленности и институт Гипротюменьнефтегаз [Миненко 2004: 473; Очерки истории... 1994: 220]. В организованных за 1964–1965 гг. 13 научно-исследовательских и проектных институтах «работало около 800 научных сотрудников» [Очерки истории... 1994: 245]. На предприятиях семи союзных министерств, отнесенных к нефтяному комплексу, в Тюмени было занято «100 тысяч человек» [Копылов и др.

С. Перепелкин. ПРО ГОРОД: ГОРОДСКОЙ ПЕЙЗАЖ 2. 2016

1986: 291]. Город к концу 10-й пятилетки (1976–1980 гг.) «ежегодно» выпускал «около десяти тысяч специалистов и квалифицированных рабочих» [Копылов и др. 1986: 291].

Развитие научных исследований в регионе требовало дальнейшего пополнения кадров специалистами с высшим и средним специальным образованием. Коллективы новых институтов формировались не только за счет тюменских жителей, но и «за счет приезжающих из других районов страны» [Очерки истории... 1994: 228]. «Поток мигрантов» шел с Урала, из Поволжья, Западной Сибири, Северного Кавказа и Дальнего Востока. Многие «высококласные специалисты» и рабочие-нефтяники приезжали из Татарстана, Башкирии, Украины, Кавказа [Там же: 226, 227].

В процессе общения тюменских инженеров и техников из старожильческого населения с приезжими специалистами неуклонно стирались «заметные» черты их полноокающей речи. *Оканье в узком значении* под влиянием акающей речи приезжих специалистов частично было поколеблено. В речи тюменской интеллигенции при произношении гласного [o] устранялась лабиализация («то есть вытягивание вперед и округление губ»), однако сохранялся «раствор рта и подъем языка, характерные для o» [Аванесов 1972: 59]. В других безударных слогах во многих случаях на месте /o/ и /a/ стал произноситься не «редуцированный звук [ъ]», а «более открытые звуки (то есть произносимые с более широким раствором рта) типа [a]» [Там же: 62].

4.2. Интенсивное освоение в 1960-е гг. месторождений нефти и газа оказало существенное влияние на дальнейшее развитие культуры областного центра. В 1970 г. это был уже крупный современный индустриальный

центр с образованными в 1966 г. двумя городскими районами — Ленинским и Калининским. В 1972 г. «к ним прибавился и третий — Центральный» [Копылов и др. 1986: 252]. В 1973 г. Тюмень стала «университетским городом». Тюменские вузы (в 1991 г. их было шесть) «стали ежегодно выпускать почти 3 тысячи специалистов (по 43 специальностям)» [Миненко 2004: 474; Копылов и др. 1986: 259]. Среднее специальное образование жители города получали в открывавшихся техникумах (училище искусств — 1974 г., строительном — 1982 г. и др.). Среди горожан увеличивался состав интеллигенции — работников образования, здравоохранения, культурно-просветительных учреждений, специалистов народного хозяйства и пр. В 1975 г. открылся новый Дом культуры железнодорожников, в 1976 г. — Дом культуры и техники «Нефтяник» [Миненко 2004: 481]. В городе выросла сеть библиотек. Открытая в 1981 г. Тюменская областная научная библиотека в новом здании («в многоэтажном корпусе») стала «одновременно принимать 1000 читателей» [Копылов и др. 1986: 263; Очерки истории... 1994: 247].

Повышение культурного уровня и общеобразовательной подготовки старожильческого населения Тюмени способствовало утрате многих других отдельных диалектных черт: форм косвенных падежей личнo-указательного местоимения *он* (она, онО) без приставного [н'], употребления местоимения *йИхный*, форм притяжательных местоимений жен. рода *мойОй, твойОй, свойОй*. В тюменском городском произношении *окончательно* исчезли такие севернорусские черты, как ударение на конечном гласном окончания в форме 2-го лица мн. числа глаголов настоящего — простого будущего времени (стойитЕ > стойИте, засмейтЕсь > засмейО-тесь) и стяженные формы прилагательных и глаголов.

5. Ускорителем языкового процесса в речи коренных жителей Тюмени явилось дальнейшее развитие в городе различных форм *публичной речи*, на которых «особенно заметно» сказывалось «литературное влияние» [Баранникова 1969: 340]. Так, при Тюменской областной картинной галерее (открыта в 1956 г. и преобразована в 1988 г. в Тюменский музей изобразительных искусств [Миненко 2004: 481]) с 1958 г. стал действовать «лекторий с циклом лекций по истории зарубежного и российского искусства» [Очерки истории... 1994: 250]. Ежегодно, начиная с 1970 г., с жителями города проводились «творческие встречи писателей, живописцев, искусствоведов, музыкантов» [Там же: 251]. В Тюмени, «координирующем центре науки», с конца 1960-х гг. «стали регулярно проводиться конференции молодых ученых и специалистов» [Миненко 2004: 474; Очерки истории... 1994: 246]. На лекциях, конференциях и семинарах, митингах и торжественных заседаниях «по революционным праздникам» «звучала» литературная речь, в которой сохранялись некоторые «диалектные следы» [Баранникова 1969: 340].

Усилилось при социализме влияние литературного языка на речь жителей Тюмени через средства массовой коммуникации. Видное место в

культурной жизни города занимало кино: фильмы в кинотеатрах «Темп» (1932 г.), «Октябрь» (1957 г.), «Космос» (1965 г.) и «Юбилейный» (1986 г.) смотрели жители всех районов Тюмени. Устная речь становилась «средством самого широкого общения» и на телевидении. С 1967 г. жители областного центра и прилегающих районов получили возможность «смотреть передачи из Москвы» [Очерки истории... 1994: 247]. Распространяя социалистическую культуру, радиовещание и телевидение в то же время приобщало жителей Тюмени к литературному языку.

Однако большее влияние на повышение речевой культуры городского населения оказывала средняя школа, являющаяся «базовым звеном образования» [Языковая политика... 2010: 11]. Их количество в городе росло. Так, в 1980 г. в Тюмени работали 42 общеобразовательные школы, 15 школ рабочей молодежи, 6 высших и 7 среднеспециальных учебных заведений. В 1986 г. «в Тюмени насчитывалось почти 50 тысяч школьников» [Миненко 2004: 480]. Многие из них заканчивали среднюю школу, которая, наряду с обучением «правописанию и грамматике», «закладывала» «основы литературного произношения у подрастающего поколения» [Аванесов 1972: 14].

Не меньшее влияние на повышение речевой культуры жителей Тюмени оказывала «бытовая речевая культура» образованных людей, «ее лучший слой» [Языковая политика... 2010: 12]. Как отмечает В. И. Коньков, она «всегда являлась основой, ведь истинный уровень речевой культуры народа определяется не тем, что говорят по радио и телевидению, а тем, что мы слышим вокруг себя и в быту. Именно здесь происходит приобщение к речевой культуре народа путем приобщения к опыту» [Там же: 11]. Разговорная литературная речь в повседневном бытовом общении образованных людей, окончивших среднюю школу, оказывала влияние на усвоение произносительных норм коренными жителями разных районов города (интеллигенцией, служащими, рабочими).

Однако нередко в разговорно-бытовой речи лиц, вполне владеющих литературным языком, сохранялись элементы диалектного произношения — вырабатывались и «некоторые свои особенности произношения, несвойственные орфоэпическому, литературному произношению, сложившемуся на основе московского говора» [Аванесов 1972: 16]. В Тюмени, как и в других крупных экономических и культурных центрах, в речи образованных людей «имелись свои местные отличия» и в произношении, и в грамматике. Ведущей в обиходно-бытовой речи многих жителей из старожильческого населения становилась *наддиалектная* форма русского национального языка, включающая «структуры литературного языка и остаточные диалектные черты» [Брызгунова 2009: 30]. Сохранившиеся в речи образованных людей «остаточные диалектные черты» получили общее распространение: в области *фонетики* — 1) реликты оканья; 2) наличие основного варианта неразличения гласных фонем неверхне-

го подъема в 1-м предударном слоге после мягких согласных [e] (ведУт, ведИ, петнА, ф петнЕ, стенА, на стенЕ); 3) выпадение взрывного согласного [т] в сочетаниях [стс], [стй] (найЭсса, кОсйу, лИсйэф); 4) упрощение начальных сочетаний [вз], [фс] (зойдЁт «взойдет», схОды «всходы»); 5) упрощение конечных сочетаний [с'т'] и [ст] (путь, хвос); 6) случаи ассимилятивного отвердения зубных согласных [з'] и [с'] перед твердым [м] (возмУт, писмО); 7) отсутствие диссимилятивного процесса в сочетании [кк] (мЯккий, лЁккий); 8) мягкое произношение согласного [р] перед мягкими губными и зубными согласными (в ар'мии, нар'ви, кОр'ни); в области *грамматики* — 1) употребление слов «берёста» и «материя» как существительных ср. рода (берЁсто, матЕрьэ); 2) произношение окончания *-ова* в род. падеже ед. числа прилагательных и неличных местоимений (тОнкова, Этова); 3) ударение на окончании в формах настоящего времени от многих глаголов II спряжения (валиИш, катИт, ловЯт); 4) безударное окончание *-йите* во 2-м лице мн. числа глаголов I спряжения (знаЙите, здЕлайите); 5) употребление согласованных постпозитивных частиц *-та, -то, -ту* (веснА-та, селО-то, мУжа-та, шкОлу-ту). Наибольшую устойчивость имели «остаточные диалектные черты» в области фонетики, «так как все компоненты произношения взаимосвязаны и повторяемы в потоке речи» [Брызгунова 2009: 30]. Заметим, что диалектные формы *пекЁт, жгёт, ч'о, неч'о* в речи коренных жителей Тюмени, по-видимому, начинали уже переходить в категорию городского просторечия.

Сохранение «остаточных диалектных черт» в составе *наддиалектной* формы поддерживалось широким распространением сходных диалектных явлений в фонетико-грамматической системе окружающих старожильческих говоров окрестных деревень [Светлова 1965: 7–9], которые продолжали оказывать влияние на повседневно-бытовую речь образованных жителей Тюмени. Заметим, что с появлением в областном центре целого ряда «новых микрорайонов» «в границы города оказалось включено немало деревень» [Миненко 2004: 473]. Воздействие окружающих говоров сказывалось также на недостаточно высокой произносительной (орфоэпической) культуре речи старожилков, носителей литературного языка. Например, в их речи наблюдалось более широкое употребление [о] под ударением перед твердым согласным (тЁшут, чЁшут, шОршень), отчетливое произношение в 1-м предударном слоге после мягких согласных гласного [e] на месте /a/, /o/, /e/, значительная смягчаемость зубных и губных согласных перед следующим мягким [р'] (з'р'Енйэ, с'р'едА, в'р'Едный, ап'р'Ельский).

Все рассмотренное выше подводит нас к следующему *выводу*: русская речь старожильческого населения Тюмени в *советский период* в условиях активного взаимодействия лингвистических факторов и внелингвистических (введения после Октябрьской революции всеобщей грамотности, роста культуры населения, развития различных форм публичной речи, употре-

бления разговорного литературного языка в повседневном общении образованных людей, речевого взаимодействия старожилов с работниками эвакуированных заводов и учреждений во время Великой Отечественной войны и «приезжими» специалистами («в эпоху открытий нефти и газа») в своем развитии прошла путь от диалектной (и просторечно-диалектной) формы общезыковой системы к *наддиалектной форме* русского национального языка, включающей «структуры литературного языка и остаточные диалектные черты». Ее формирование в речи коренных жителей Тюмени происходило в условиях диалектного окружения — под воздействием окружающих старожильческих говоров подгородных селений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Аванесов Р. И. Русское литературное произношение. 5-е изд. М., 1972.
2. Баранникова Л. И. К проблеме социальной и структурной изменчивости диалектов // Вопросы социальной лингвистики. Л., 1969.
3. Баранникова Л. И. Русские диалекты и русская диалектология в советский период // Вопросы русского языкознания. Русский язык и наука о нем в советский период. Куйбышев, 1978.
4. Брызгунова Е. А. Место наддиалектной формы в составе русского национального языка // Актуальные проблемы русской диалектологии и исследования старообрядчества: тезисы докл. Междунар. конф., 19-21 окт. 2009 г. М., 2009.
5. Игнатович Т. Ю. Современное состояние и основные тенденции развития говоров севернорусского генезиса на территории Восточного Забайкалья // Актуальные проблемы русской диалектологии: тезисы докл. Междунар. конф., 27-28 окт. 2012 г. М., 2012.
6. Копылов Д. И., Князев В. Ю., Ретунский В. Ф. Города нашего края: Тюмень. Свердловск, 1986.
7. Миненко Н. А. Тюмень: летопись четырех столетий. СПб., 2004.
8. Орлова В. Г., Строганова Т. Ю. Закономерности развития диалектов русского национального языка // Известия ОЛЯ АН СССР. Т. XX, вып. 5. М., 1961.
9. Очерки истории Тюменской области / под ред. В. М. Кружинова. Тюмень, 1994.
10. Русский язык и советское общество: социально-лингвистическое исследование. Лексика современного литературного языка / под ред. М. В. Панова. М., 1968.
11. Светлова В. Н. О некоторых фонетических особенностях говоров Тюменского района // Вопросы современного русского языка и диалектологии. Тюмень, 1965.
12. Хабургаев Г. А. О фонологических условиях развития русского аканья // Вопросы языкознания. 1965. № 6.
13. Щукин А. В. Тюменская область. Тюмень, 2007.
14. Языковая политика и язык СМИ в современной России / под ред. Н. О. Рогожиной, О. В. Трофимовой, Е. Е. Юркова. Тюмень; СПб., 2010.